

нейшего комплексного изучения взаимодействия славянских языков на Балканах с инославянским языковым миром.

Нерознак В. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sandfeld K. *Balkanfilologien. En oversigt over dens resultater og problemer.* København, 1926. (Франц. перевод: Sandfeld K. *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats.* Paris, 1930).
2. Seliščev A. *Des traits linguistique communs aux langues balkaniques: un balkanisme ancien en bulgare.* — *RÉSL*, 1925, 5.
3. Schaller H. W. *Die Balkansprachen.*

Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. — М.: Наука, 1981. 288 с.

Рецензируемая монография представляет собой первый опыт реализации намеченной М. А. Кумаховым программы внедрения в западнокавказскую компаративистику принципа релятивной хронологии, ставшего в сравнительно-историческом языкознании определяющим. Одно из достоинств программы — требование отказа в практике исследования западнокавказских языков от младограмматической методики подведения «правил» действующей системы генетически родственных языков под рубрику инновации, а «исключения из правил» — под категорию внеэпистемного и вневременного архетипа. Не подлежит сомнению актуальность установления регулярных звукосоответствий между западнокавказскими языками, но описание механизма фонетических корреспонденций при всей его научной значимости «является лишь начальным этапом сравнительно-исторического анализа генетически родственных языков» (с. 33). Более существенным является то, что может обеспечить решающий успех в сравнительно-историческом изучении абхазо-адыгских языков — внедрение в западнокавказскую компаративистику принципа релятивной хронологии анализируемых и реконструируемых языковых явлений. Таков лейтмотив рецензируемой книги.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению схемы исторической дифференциации западнокавказских языков. Здесь подвергнуто критике традиционное представление об одновременном распаде исходного западнокавказского языка «на три ветви — абхазскую, убыхскую и адыгскую, где убыхский язык занимает промежуточное звено» (с. 8). Вместе с тем выдвинуто новое положение, согласно которому из общезападнокавказского языка непосредственно развились два ареала — праабхазский и адыгско-убыхский. Первая ветвь — прямой предок современных абазинского и абхазского языков, вторая — «совместное

Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, 1975.

4. Asenova P. *Aperçu historique des études dans le domaine de la linguistique balkanique.* — *Балканско езикознание*, 1979, № 1.
5. *Trubetzkoy N. S.* — In: *Actes du Premier Congrès International de Linguistes, tenu à la Haye du 10—15 avril 1928.* — Proposition 16, Leiden, 1930, p. 17—18.
6. Десницкая А. В. «Языковой союз» как категория исторического языкознания. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Диалектика развития языка»: Тезисы докладов. М., 1980.

развитие диалектной группы на протяжении отрезка времени, охватывающего период от эпохи распада западнокавказской языковой общности до образования двух самостоятельных ареалов — адыгского и убыхского» (с. 3). Компаративист основывается на структурном исследовании современных западнокавказских языков, на всех уровнях языковой структуры каждого из которых сохранились унаследованные от более древних языковых состояний архаизмы и в то же время возникли специфические элементы, и идет к реконструкции западнокавказского языка-основы. В результате анализа материала выявлен целый ряд праязыковых особенностей.

Вторая глава содержит краткое изложение истории сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков, задач по дальнейшему обследованию звуковой системы изучаемых языков, взглядов автора рецензируемой монографии на содержание сравнительно-исторической фонетики и принципы ее построения.

В третьей главе, являющейся одной из основных, дается разработка вокализма адыгских языков в свете современного состояния теоретической фонологии и широкого использования внутренней и внешней (сравнительной) реконструкции.

М. А. Кумахов рассматривает а) состав общеадыгского вокализма, б) отношение общеадыгского вокализма к общезападнокавказскому, в) общезападнокавказские, общеадыгско-убыхские, общеадыгские явления и адыгские инновации, г) проблему долгих гласных, д) проблему носовых гласных, е) явления конца слова и ж) проблему моновокализма.

По мнению М. А. Кумахова, общеадыгский вокализм включал в себя три гласные, различающиеся степенью открытости: гласный максимальной открытости *a*, гласный средней открытости *ə* и гласный минимальной открытости *ɤ*. Основанием для реконструкции этой

системы гласных послужили фонетические показания наиболее устойчивой части лексики адыгских диалектов.

Более простая система вокализма из двух гласных — максимально открытого *a* и минимально открытого *y* — представлена в других западнокавказских языках (абхазском и абазинском). Эта модель продолжает общезападнокавказский вокализм. Ее исходность для убыхского языка также очевидна: третий член трехчленной системы убыхского вокализма долгий гласный *ä*, обладающий минимальной функциональной нагрузкой и реализуемый лишь в медиальной позиции, — результат стяжения *aa*, например: *йафын* < **йаафын* «они едят» (Ж. Дюмезиль). Любопытно, что многие слова западнокавказских языков, содержащие гласные *a* и *y*, принадлежат древнейшему лексическому фонду данных языков. Это также позволяет приписать двухчленную модель вокализма из *a* и *y* общезападнокавказскому языковому состоянию.

На основании фонетических соответствий в словах фундаментального слоя лексики реконструируются: а) для общезападнокавказского языка гласный *a* в начальной и нена начальной позициях и гласный *y* в нена начальной позиции; б) для общеадыгско-убыхского уровня илаутный *a*, представленный в адыгских и убыхских основах и не находящийся надежных соответствий в абхазском и абазинском, и убыхский конечный *a*, которому в адыгских отвечает локальная инновация *э*, а также гласный *y* в нена начальной позиции; в) для общеадыгского языка третий член трехчленного вокализма — гласный средней открытости *э*, фонетически (не акцентологически) обусловленный переход *э* > *a* (в интерконсонантном положении), превращение вторичного *a* в *э* в сочетаниях типа *нэпэшхуз* «большое лицо», переход *y* > *э* (в абсолютном исходе слова и конечном слоге производных глагольных основ) и аблаутные чередования *э* : *y*, *э* : *нуль* в корневых и аффиксальных морфемах глагола. Морфонологические изменения гласных рассматриваются (в гл. V) как средства дифференциации переходных и непереходных основ, объектных и безобъектных основ, иллативных и элативных основ. Предпринята серьезная попытка обоснования хронологической и этимологической гетерогенности аблаутных чередований, установления их относительной хронологии и т. д.

Достоинством рецензируемой книги является выявление в адыгских языках собственно адыгских инноваций, т. е. инноваций, относящихся к периоду индивидуального развития этих языков (гл. III). Опираясь на данные адыгских языков, диалектов и говоров, исследователь выделяет различные по своему ареалу новообразования, а также отмечает изоглоссы, показывающие территориальное распространение диалектных явлений. Вывод, вытекающий из этих наблюдений, не является неожиданным: в области вокализма адыгских новообразований больше в адыгейском, нежели в кабардинском.

Уравнением со многими неизвестными

оставались фонологический статус сегментов, обозначаемых графемами *e*, *u*, *o*, *y*, и проблема дифтонгов в адыгских языках. Правомерным считалось в адыговедении возводить так называемые долгие гласные *e*, *u*, *o*, *y* в ранг самостоятельных фонем (Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф и др.), но такое объяснение не тащилось на сильное сопротивление языкового материала.

Сегменты *e*, *u*, *o*, *y* имеют в начальной позиции вокалический исход, несущий дистинктивную функцию и, следовательно, обладающий свойством фонемы. Это дало основание М. А. Кумахову квалифицировать сегменты *e*, *u*, *o*, *y* в указанной позиции как бифонемные сочетания (сонант + гласная фонема). Таковыми, по мысли автора монографии, являются эти сегменты и в конечной позиции в адыгейском языке, а в кабардино-черкесском они не имеют фонологического статуса в силу того, что здесь конечные *e*, *u*, *o*, *y* находятся с дифтонгами в отношениях свободного варьирования. В адыгских языках (особенно в кабардино-черкесском) долгие гласные *e*, *u*, *o*, *y* могут в интерконсонантном положении находиться в альтернативе с дифтонгами, в силу чего дифтонги и долгие гласные являются здесь вариантами одного инварианта. Именно в интерконсонантном положении намного интенсивнее протекает процесс монофонтизации дифтонгов. На процесс монофонтизации стимулирующее влияние оказывают содержащиеся в заимствованных из русского языка слова долгие гласные *e*, *u*, *o*, *y*. Происходящий процесс монофонтизации дифтонгов знаменует начало другого процесса — разрушения трехчленного вокализма адыгских языков, хотя на данном этапе существования этих языков долгие гласные остаются фонетическими вариантами.

С традиционной трактовкой назализации гласных как древнейшей явления в адыгских языках принципиально расходитесь мнение М. А. Кумахова. В результате сравнительного анализа показаний адыгских языков, их диалектов и говоров исследователь приходит к выводу о том, что «постулирование носовых гласных для общеадыгского (или праадыгского) вокализма становится невозможным из-за отсутствия сколь угодно убедительных данных как внутренней, так и внешней реконструкции» (с. 72). Вместе с тем автор признает назализацию гласных на фонетическом уровне характерной для индивидуальности бжедугского и шапсугского диалектов адыгейского языка. Существует и противоположное мнение [1].

В рецензируемой книге обсуждаются существенные вопросы вокализма конца слова: а) отпадение конечного *y*, б) развитие конечного *y*, в) отпадение конечного *э*, г) развитие конечного *э* и д) относительная хронология законов конца слова.

Вокализм конца слова претерпел в адыгских языках значительные изменения, связанные с действием неодинаково интенсивных в этих языках двух противоположных тенденций — отпадения

конечных *э*, *ы* и развития конечных *э*, *ы*. В итоге между адыгскими языками установились качественно различные отношения: с точки зрения устойчивости конечного *ы* адыгейский оказался зоной консервации, а кабардинский — зоной инновации, с точки зрения устойчивости конечного *э*, наоборот, адыгейский стал зоной инновации, а кабардинский — зоной консервации. Продолжая общее адыгское состояние, адыгские языки оказались зоной консервации, а то, что делает их зоной инновации, относится к эпохе раздельного существования этих языков.

М. А. Кумахов впервые специально поставил вопрос об историческом вокализме адыгских языков в статье «Теория моновокализма и западнокавказские языки» [2] и продолжает его разработку в рецензируемой книге. В этих работах отстаивается тезис о необоснованности теории моновокализма. Опираясь на данные внутренней и сравнительной реконструкции, М. А. Кумахов, как уже отмечалось, постулирует для западнокавказского языка двухчленную систему вокализма (*a — ы*), а для праадыгского языка — трехчленную (*a — э — ы*).

Одной из важнейших задач сравнительно-исторической фонетики родственных языков является реконструкция консонантизма. Решению этой проблемы посвящена четвертая глава монографии. Сравнительный анализ фонологических систем адыгских языков предвзят синхронной характеристикой системы согласных этих языков.

Большой заслугой М. А. Кумахова следует считать не только во многом убедительное описание консонантизма адыгских языков и диалектов, а также систематическое освещение значительных расхождений между ними, но и — особенно — выяснение истории и относительной хронологии целых подсистем консонантизма адыгских диалектов и осуществление надежной реконструкции общеадыгского консонантизма.

Как известно, в адыгском языкознании стало традиционным мнение Г. В. Рогава о первичности четырехчленной системы смычных согласных, представленной в западных (бжедугском и шапсугском) диалектах адыгейского языка. С этой точки зрения глухие непрдыхательные (минимально аспирированные) согласные, которые он именует преруптивами, исторически имелись также в восточных (абадзехском и чемугойском) диалектах адыгейского языка, в диалектах кабардино-черкесского языка и даже во всех кавказских языках.

Признавая за этим положением право на существование, автор рецензируемой работы предлагает свое решение вопроса, согласно которому четырехчленная система смычных бжедугского и шапсугского диалектов — явление вторичное. Главное в новой концепции — признание подсистемы глухих непрдыхательных (смычных и шипящих спирантов) консонантизма бжедугского и шапсугского диалектов адыгейским новообразованием.

Вторичными М. А. Кумахов справедливо, на наш взгляд, считает также глухие

придыхательные (смычные и шипящие спиранты) в бжедугском и шапсугском диалектах адыгейского языка. Глухие придыхательные (максимально аспирированные) отсутствуют в других адыгских диалектах. Этих звуков не знают также ни убыхский, ни абхазский, ни абазинский языки. Следовательно, в отношении глухих придыхательных (как и в отношении глухих непрдыхательных) бжедугский и шапсугский диалекты адыгейского языка стоят особняком не только среди адыгских диалектов, но и во всей западнокавказской языковой области.

Актуальной для западнокавказского языкознания считается проблема ларингальных согласных: адекватное объяснение генезиса ларингалов может дать ключ к решению существенных вопросов системы и истории системы адыгских языков. Этих вопросов не решает, например, предположение об исконности ларингальных *ɣl*, *ɣly* в адыгских языках. Это мнение не подтверждается ни исконным материалом адыгских и родственных им языков, ни лексическими заимствованиями из других языков в адыгские или из адыгских языков в другие языки.

Адыгские языки, их диалекты и говоры в своем исконном лексическом материале не сохранили даже следов ларингальных *ɣl*, *ɣly*. Эти звуки представлены только в лексических заимствованиях из арабского языка, но в языке-источнике, как правило, арабские ларингалы встречаются в тех же фонетических позициях, в которых ларингалы представлены в арабских заимствованиях адыгских языков. «Поэтому данные внутренней реконструкции не позволяют постулировать ларингальные *ɣl*, *ɣly* ни для общеадыгского состояния, ни для эпохи раздельного существования адыгских языков» (с. 154).

Общеадыгские заднеязычные спиранты *ɣъ*, *ɣy* имеют в западнокавказских языках разные корреспонденции. Особенно показателен в этом отношении абазинский язык, в адыгском слое лексики которого адыгским заднеязычным *ɣъ*, *ɣy* отвечают ларингалы *ɣl*, *ɣly*, ср.: адыг. *фитныгъ*, каб. *хутныгъэ*, абаз. *хутныг-ла* «свобода»; адыг. *ɣyуындж*, каб. *ɣyуынджэ*, абаз. *ɣlyуыга* «зеркало» и т. д. Адыгским звонким заднеязычным спирантам могут в абазинском соответствовать и звонкие заднеязычные спиранты, ср.: адыг. *ɣyыбыгъ*, каб. *ɣyыбыгъэ*, абаз. *ɣyыбыгъа* «умный».

Говоря о соответствии адыгских заднеязычных спирантов *ɣъ*, *ɣy* ларингальным *ɣl*, *ɣly* в адыгизмах абазинского языка, следует отметить, что образование адыгского слоя абазинской лексики относится главным образом к сравнительно позднему периоду массовой миграции кабардинцев за Кубань. Поэтому было бы неправомерно усматривать в указанных ларингалах, представленных в адыгизмах абазинского языка, отражение более древнего состояния адыгских языков, предполагая в то же время бесследно утраченным это состояние адыгскими языками.

Здесь, как отмечает М. А. Кумахов, ларингалы *ɣl*, *ɣly* в адыгских заимство-

вания абазинского языка являются не продолжением общеадыгских ларингалов *ɣI, ɣIy*, а субституцией адыгских заднеязычных спирантов *ɣь, ɣьy*. Последнее подкрепляется общей тенденцией к ларингализации адыгских заднеязычных в абазинском языке (с. 156).

Из всего сказанного вытекает вывод, что «данные как внутренней, так и внешней реконструкции не позволяют включить ларингальные спиранты *ɣI, ɣIy* в систему общеадыгского консонантизма» (с. 157).

Аксиомой является невозможность создания сравнительно-исторической грамматики адыгских языков без предварительной разработки вопроса о структуре общеадыгского корня и его отношении к западнокавказскому корню. Исследователь анализирует наиболее распространенные теории общеадыгского корня: а) теорию Н. Ф. Яковлева, согласно которой односложные слова типа «согласный + гласный» (*нэ* «глаз», *пэ* «нос» и т. п.) представляют единственную и застывшую модель корня, восходящую к «аморфному этапу» развития адыгских языков; б) теорию Г. В. Рогова о вторичности односложных открытых основ, возникших от многосложных образований типа «классный показатель — корень + детерминатив» в результате отпадения от корня или превращения в окаменелый морфологический инвентарь префиксов грамматических классов и детерминативных суффиксов; в) положение А. Койперса о «проточеркеском корне» — нечленных основах (корневые морфемы) и членных основах (производные от корня). По мнению М. А. Кумахова, статические теории не базируются «на методике лингвистической процедуры, учитывающей различие между разными хронологическими уровнями» (с. 256).

Автор рецензируемой монографии предлагает динамическую теорию, допускающую развитие и последовательные трансформации общеадыгского корня, и постулирует для общеадыгского состояния структурно разнотипные корневые морфемы — односложные и многосложные, основываясь при этом на «понимании корня как части слова, не мотивированной живым процессом деривации» (с. 263). К общеадыгскому состоянию возводятся более десятка различных типов корневых морфем — CV, CV₁, CCV, CCV₁, CVCV, CV₁CV, CV₂CV, CVCV₁, CV₁CV₁, CCV₂CV и др. (где C — согласный, V — гласный э, V₁ — гласный ы, V₂ — гласный а).

Вполне естественно, что при чтении книги М. А. Кумахова нам встретились отдельные спорные положения.

Говоря об инновациях, возникших в адыгских языках в эпоху их индивидуального развития, автор монографии отмечает, что «во многих случаях адыгейский язык сохраняет после ларингальных *ɣь, I* этимологический гласный э», и иллюстрирует это положение примерами: *ɣьджашьэ* «охотничья собака», *ɣьжэ* «щенок», *тхьжэ* «старая собака», *тхьль-анэ* «клятва», *тхьльэ* «модеби», *тхьмафэ* «неделя», *Iэгу* «ладонь», *Iэгуан* «рукав» (с. 57). Однако положение М. А. Кумахова верно лишь в отношении

западных (бжедугского и пансугского) диалектов адыгейского языка, и приведенные автором примеры отражают бжедугско-пансугское произношение. Что касается восточных (абадзехского и чемгуйского) диалектов адыгейского языка, то в них после ларингальных *ɣь, I* не употребляется гласный э, и в показанных выше примерах в восточных диалектах после ларингальных *ɣь, I* будет гласный а: *ɣьаджашьэ*, *ɣьажэ*, *тхьжэ*, *тхьль-анэ*, *тхьльэ*, *тхьмафэ*, *Iэгу*, *Iэгуан*. Ср. также в конечной позиции: бжед.-шапс. *ɣьэ*, абадз.-чем. *ɣьа* «собака»; бжед.-шапс. *шьэ*, абадз.-чем. *шьа* «голова»; бжед.-шапс. *тхьэ*, абадз.-чем. *тхьа* «бог»; бжед.-шапс. *Iэ*, абадз.-чем. *Iа* «рука»; бжед.-шапс. *шья*, абадз.-чем. *шьа* «главный» и т. д.

Анализ аблаутных чередований, используемых для противопоставления плагативных и элативных слов, автор подкрепляет удачными примерами (адыг. *йы-шьэ-н*, каб. *йы-шы-н* «вводить» — адыг. *йы-шы-н*, каб. *йы-шы-н* «выводить»; адыг. каб. *те-дзы-н* «сбросить» — *те-дэ-н* «бросить на что-то»), но пояснения к ним, даваемые в скобках, оказались переставленными, в результате чего *шьы-//шы-* «выводить» и *дзы-* «сбросить», в которых *ы* фиксирует понятие движения изнутри наружу (т. е. имеет центробежное значение), превратились в иллативные основы, а *шьэ-//шэ* «вводить» и *дэ-* «бросить на что-то», в которых *э* выражает понятие вхождения внутрь предмета (т. е. обладает центростремительным значением), стали элативными (с. 238).

Встречаются в рецензируемой книге случаи неточной подачи иллюстративного материала (особенно материала адыгейских диалектов): чем. *цыгьэ* (вм. *цыьа*) «надежда», чем. *куьэ* (вм. *куыьа*) «воз», бжед. *пхьл* (вм. *пхьлэ*) «слон», бжед. *чьп* (вм. *чьэп*) «шей», бжед. *Iа-тыл* (вм. *Iэтыл*) «поднять» и др.

Разумеется, наши замечания носят глубоко частный характер, и они ни в коей мере не снижают значения большой работы, проделанной М. А. Кумаховым в области сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков, и не меняют общего впечатления о конечном результате этой работы — фундаментальной монографии, в которой подверглись непредвзятой и весьма корректной переоценке многие выводы сравнительно-исторического адыгovedения, а также намечены новые пути компаративного освоения адыгских (и шире — западнокавказских) языков. Лингвистическая общественность вправе приветствовать пополнение фонда науки о западнокавказских языках интересным и глубоким исследованием и выразить уверенность в том, что высказанные в нем идеи получат признание и дальнейшее развитие.

Зекон У. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зекон У. С. Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей. — Уч. зап. Адыгейск. НИИ, 1966, т. V, с. 43—44.
2. Кумахов М. А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. — ВЯ, 1973, № 6.